

черты — веру в разум, отрицание суеверия, догматизма, оно расчищало дорогу «просветителям», но представляло собой явление, качественно своеобразное и наполненное иным социальным содержанием. Напомним, что К. Маркс настойчиво отделял рационалистов XVII в. от «просветителей». Он указывал, что «пораженная французским просвещением, и в особенности французским материализмом, метафизика XVII столетия праздновала свою победоносную, полную содержания реставрацию в лице немецкой философии».¹⁰

Все основные черты мировоззрения Кантемира вытекают, как это указывает и Ф. Я. Прийма (см. стр. 1), из идеологии и политики Петровской эпохи. Но станет ли кто-нибудь утверждать, что петровская государственность осуществляла социально-политическую программу «просветителей»?

Интересная статья Ф. Я. Примы поднимает широкий круг вопросов и весьма плодотворна для изучения и обсуждения творчества А. Кантемира. В эпоху, когда развертывалась литературная деятельность Кантемира, верность принципам, декларировавшимся в эпоху петровских преобразований, уже сама по себе означала определенное движение вперед. Создание «регулярного» государства, отвечая в первую очередь интересам русского дворянства, не могло быть осуществлено руками одних дворян — оно требовало привлечения к историческому созиданию гораздо более широких общественных кругов. Иллюзия общенационального характера программы правительства Петра I поддерживалась у современников еще и тем, что реформы начала XVIII века, действительно, одновременно решали и ряд задач общенационального характера, отвечавших не только классово-корыстным интересам дворянства, но и имевшим действительно прогрессивный смысл. В этих условиях пафос общенационального, национального дела, идеи патриотического труда всех граждан на благо России соответствовали правительственному идеологическому курсу. Они были предельно четко сформулированы, например, в таких программных документах, как приказ Петра перед Полтавским боем и речь Ф. Прокоповича по случаю мира со Швецией. Реальный исторический смысл собственных действий был порой скрыт от передовой части деятелей начала XVIII века. Люди, которые ценой невероятных усилий и жертв на полях Полтавы, в морских сражениях, на строительстве новых заводов создавали новую Россию, искренне верили, что «стал вдруг народ уже новый» (Кантемир), что великие жертвы

¹⁰ К Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. III, 1930, стр. 154.